

Кот, гулявший сам по себе (Э.Майлс)

На турнире в Ноттингеме Капабланка и Александер анализировали вместе только что закончившуюся партию. «Вот это да! — восклицал английский мастер, весело посматривая на присутствующих. — Капабланка меня поймал. Ну и ход! Изумительно», — повторял он, с восхищением глядя на своего знаменитого соперника. Двукратный чемпион Великобритании Конел Хью СГДонел Александер закончил школу Короля Эдуарда в Бирмингеме, в которой провел свои школьные годы и будущий первый английский гроссмейстер Тони Майлс.

Александер выиграл звание чемпиона Англии среди школьников в 1926 году, Майлс — четыре с лишним десятилетия спустя. Но как различен был их подход к игре и к шахматным корифеям. Нет сомнений, что, если бы Майлсу пришлось играть с Капабланкой, у него и в мыслях не было бы осыпать легендарного кубинца комплиментами, ни после партии, ни даже мысленно во время ее. Скорее всего, он подумал бы: «Ну, держись, красавчик, посмотрим, каков ты в деле, проверим твою хваленую интуицию!»

Довоенное поколение английских мастеров, садясь за доску с гроссмейстерами, пределом мечтаний считало ничью. Их редкие выигрыши можно пересчитать по пальцам, да и то они были, скорее, результатом небоснованной игры на победу именитых соперников, не желавших отдавать даже половинку очка откровенным любителям, чем результатом агрессивной стратегии со стороны самих островитян.

После войны ситуация мало изменилась. Советские гроссмейстеры доминировали на мировой арене и держали английских шахматистов в состоянии безграничного уважения. Неудивительно, что в более или менее пристойных международных турнирах англичане, как правило, замыкали турнирные таблицы. Так продолжалось до тех пор, пока не появился Тони Майлс.

Он был словно рожден для шахмат; у него было природное чувство уверенности в себе, так необходимое для успешной игры на высоком уровне, не наносное, развитое после аутогенных тренировок или походов к психологу, а именно врожденное. Безграничная вера в себя при любых обстоятельствах и несмотря ни на что! Страсть к игре, к выигрышу отодвигала всё в его жизни на второй план. Эта одержимость, эта страсть выделяла Майлса среди других английских шахматистов.

Он побеждал Спасского, Таля, Карпова, Смыслова, Корчного, Геллера, Полугаевского. Один

уважаемый советский гроссмейстер жаловался тогда: «Мне нравятся все шахматисты Англии, за исключением Майлса. Он не относится ко мне с тем уважением, к которому я привык».

Весь его шахматный путь можно условно разделить на три периода. Первый начался в 1968 году, когда он стал чемпионом Англии среди мальчиков до 14 лет. Затем - растущие успехи в уикэнд- и опен-турнирах, завершившиеся блестящей победой на чемпионате мира среди юношей на Филиппинах и взятием гроссмейстерского норматива. Он стал гроссмейстером в двадцать лет, выполнив заключительную норму на турнире в Дубне, — барьер, дававшийся только немногим в те времена. «Если тебе это удастся, отправь, пожалуйста, нам телеграмму», - попросил его перед поездкой секретарь Британской шахматной федерации. Телеграмма, посланная Тони, содержала только одно слово «Телеграмма» и означала не только получение Майлсом суммы в 5000 фунтов стерлингов — премии, установленной финансистом Джимом Слейтером первому британскому гроссмейстеру, но и победу в импровизированном соревновании за этот приз с Биллом Хартстоном и Реймондом Кином.

Появление первого гроссмейстера вызвало в стране шахматный бум. Майлс стал лидером целого поколения шахматистов — Джонатана Спилмена, Джона Нанна, Майкла Стинга и Джонатана Местела, выведших Англию из многолетнего захолустья и превративших ее в мощную шахматную державу.

Второй период карьеры Майлса начался в 1976 году выигравшем вместе с Корчным сильного ИБМ-турнира в Амстердаме и продлился примерно десять лет. Тони был тогда одним из сильнейших игроков мира, а некоторое время — лучшим шахматистом Запада. За это десятилетие он добился немало звонких побед. Наиболее впечатляющие из них — Интерполис-турниры 1984 и 1985 годов, сильнейшие в то время.

Последний турнир Майлс играл, лежа на массажном столе. Но, несмотря на боль и физические неудобства, был ли он так уж недоволен создавшейся ситуацией? Ведь был брошен вызов всем остальным участникам, часть которых бурно реагировала на необычную обстановку в турнирном зале, вынесшую тогда шахматы на первые полосы газет. Но главное написал сам Майлс в статье об итогах турнира: «Мало вещей в жизни могут меня мотивировать больше, чем преграда, которую надо преодолеть. Но есть еще более высокая цель: преодоление непреодолимой преграды. Непреодолимая преграда была ясна: полуинвалидом выиграть все-таки "Интерполис"».

Третий, заключительный этап карьеры начался с проигрыша матча Каспарову в 1986 году с разгромным счетом (0,5:5,5), после чего кривая его успехов пошла вниз.

В последние годы, потеряв во многом практическую силу и приговоренный к игре в открытых турнирах, он уже нечасто встречался с сильными соперниками. Уверен, однако, что даже те, кто по рейтингу превосходил его, знали: садясь за доску с Тони Майлсом, надо держать ухо востро.

Как он играл? В его подходе к шахматам можно было заметить влияние столь разных по силе и стилю шахматистов, как Басман, Ларсен и Андерссон. От первого в игре Майлса можно найти элементы оригинальности и экстравагантности, от второго — боевой дух, бескомпромиссность и полное отсутствие уважения к признанным авторитетам, от третьего — блестящая техника эндшпиля. Тони мог превратить в очко даже крохотное преимущество: терпения, энергии и желания у него хватало. Я думаю, что Майлс начал изучать шахматы с эндшпиля, а не с дебюта и в отличие от подавляющего большинства шахматистов не очень интересовался дебютом. Он

всегда рассматривал его как прелюдию к миттельшпилю, к эндшпилю, к длительной борьбе с придумками и ухищрениями.

В былые годы опытные тренеры в Советском Союзе советовали своим подопечным завести особую тетрадь, куда следовало заносить необычные маневры, нешаблонные решения, оригинальные планы, парадоксальные комбинации. Из партий Тони Майлса можно было бы набрать материала не на одну такую тетрадь. Мне кажется, что это было наиболее характерно для него: придумать что-то необычное за доской, изобрести новую, еще не встречавшуюся идею. Да притом такую, которая бы увела соперника с накатанных теоретических путей, внесла дискомфорт в его душевное состояние. Помню, в одной из наших партий Тони после ходов с4 e5 ответил 2№o2 и, ухмыльнувшись, посмотрел на меня: кончилась твоя теория, не проигрывает же этот ход, а что до белого цвета, то какое это имеет значение...

Тот факт, что в свои лучшие годы он в ответ на ход 1.e4 применял почти исключительно вариант дракона, имеет свое объяснение. Этот вариант не был тогда еще настолько хорошо разработан, как в наши дни, не было той жесткости и обязательности ходов, что характерно для него сейчас. Любопытно, что Тони и я, считавшиеся крупнейшими знатоками варианта дракона, никогда не обсуждали его тонкостей, хотя, разумеется, следили за партиями друг друга. Только однажды, на турнире в Индонезии в 1982 году, во время моей партии с местным мастером, пожертвовавшим всё за атаку и оставшимся в итоге без ладьи, Майлс, поравнявшись со мной, тихо произнес: «Ну, ты уже всё оприходовал, что внесли на твой счет?»

Будучи оригинальным шахматным мыслителем, он уже в начальной стадии партии предпочитал идти собственным путем. Так он делал и на пике своей карьеры, потом же это стало необходимостью, потому что Майлс никогда не любил работать над дебютом, тем более так, как того требуют современные профессиональные шахматы: проводя долгие часы перед экраном компьютера и изучая партии других. Фактически он пытался играть в «шахматы Фишера», хотя фигуры на доске стояли на своих обычных позициях.

В последние годы Тони называл представителей молодого поколения «детьми базы данных», вероятно, не задумываясь над тем, что это дети «детей "Информатора"», как называл четверть века назад молодых Тигран Петросян. Уверен, впрочем, что к Майлсу это не относилось.

В ответ на 1.e4 он мог вывести по настроению то ферзевого, то королевского коня; играя черными, мог уже на втором, а то и на первом ходу приступить к fianкеттированию ферзевого слона (стратегия, безоговорочно осуждаемая дебютными руководствами), причем не боялся делать это на самом высоком уровне. В вариантах, которые применял Майлс, зачастую отсутствовала академическая кладка классиков дебюта, с первых ходов выстраивающих солидное здание. Но он и не претендовал на это, варианты служили ему для вполне конкретных целей: успеха в данный момент, в этой конкретной партии, именно в этом турнире, потому что Тони Майлс очень любил шахматы, но еще больше любил выигрывать.

Как у бегуна, регулярно занимающегося этим занятием, в крови вырабатывается особое вещество, к которому он привыкает, так и у Майлса это вещество поступало в кровь с нажатием кнопки часов. Он рассматривал шахматы как борьбу на 64 клетках, причем как борьбу не классическую, а вольную или как бокс, но и бокс его был не английский, а, скорее, азиатский, с захватами, подножками и выпадами на грани фолла. Он не относился к той небольшой группе шахматных профессионалов, которым совершенно неведомы такие поступки, как соглашение на ничью до партии, предложение ничьей при своем ходе или в очевидно худшей позиции, предложение ничьей два, три раза подряд, игра сериями ходов в цейтноте соперника или

удары по кнопке часов только что снятой с доски фигурой.

За четверть века мы сыграли два десятка партий; он выиграл четыре, я — три. Хорошо вижу его входящим в турнирный зал и направляющимся к нашему столику. Вот он уже снимает с руки немалых размеров часы и кладет их рядом с бланком для записи партии»: через мгновение общепринятое время остановится и пойдет другой отсчет, определяемый положением стрелок на циферблатах шахматных часов. Время, потраченное на каждый ход, будет фиксироваться им на бланке — он, как я помню, всегда делал это. В ходе партии часы будут лежать на бланке, прикрывая текст: он имел обыкновение сначала записывать ход и только потом делать его на доске; в случае принятия наиболее ответственных решений Тони приподнимал часы и, защищая ладонью запись от возможного взора соперника, проверял записанный ход еще раз.

Вот он ставит своих коней плашмя к противнику - так, как они расположены на диаграммах. Вот он уже говорит «j'adoube», поправляет идеально стоящие фигуры; и фразу эту, и само движение он повторит не раз во время партии. Начинается тур, он принимает боевую стойку: изогнувшись по-кошачьи и подавшись вперед, обхватывает виски руками, он весь — концентрация и напор, взор устремлен на доску. Время от времени он выпрямляется и, отбрасывая назад длинные волосы, снова занимает прежнюю позицию. На запястье одной руки — золотая цепочка с надписью «Топу», на пальце другой — перстень. Вот он достает большой платок и, несмотря на отсутствие какого-либо насморка, начинает трубно прочищать нос, повторяя периодически эту процедуру по ходу игры.

Партнер погрузился в раздумье; Тони встает, опоясывающим движением подтягивая штаны. Пришло время что-нибудь выпить, и вот уже стакан в его руках: двухлитровый кувшин молока, всегда стоявший в холодильнике игрового зала на турнире в Тилбурге, постепенно пустел к концу тура. Изредка он отрывает, когда заслоня рот рукой, когда — нет. Иногда бросает короткие блики на соперника, в них всё: усмешка, торжество, тревога, удивление, презрение — в зависимости от положения на доске. Он никогда не смотрит, как это делают робкие души, в глаза остановившихся у столика коллег, чтобы прочесть оценку позиции в их глазах: он привык полагаться только на самого себя, и ему нет дела до того, что думают другие.

Наступает цейтнот. Выпрямляясь на стуле. Тони разводит руками, отстраняя вторгшихся в поле его зрения, в его жизненное пространство людей, стоящих вокруг столика: участников, судей, демонстраторов.

В партии — глубокий эндшпиль, его пешка достигла предпоследней горизонтали, сейчас он превратит ее - в ладью? в слона? Это встречалось не раз в его партиях, в том числе и в наших. Вот уже разменены все фигуры, исчезла с доски последняя пешка, но он любит позиции, когда на доске остается только по королю. И такое случалось у нас.

Партия кончилась: часы снимаются с бланка, вот они снова на запястье, пошло обычное время. В анализе после игры он никогда не проявлял снисходительности к партнеру, даже после выигрыша, отпуская время от времени короткие шуточные замечания.

Точно таким же был и стиль Тони Майлса - автора многочисленных статей и комментариев. Отличительные качества их: специфический юмор, скептицизм, ирония и самоирония, безжалостность в оценке соперника, да и самого себя. Он, разумеется, избегал цитировать кого бы то ни было: в шахматах, как и в жизни, для него не существовало авторитетов. Он был мастером коротких уколов, саркастичных замечаний и никогда не лез за словом в карман. Рецензия на одну из шахматных книг, написанная Майлсом, состояла из одного-единственного

слова: барахло.

Тринадцатилетний Стюарт Конкуэст, впервые встречаясь за доской с известным гроссмейстером, в каталонском начале на пятом ходу дал шах ферзем, по-детски объявив при этом: «Шах!» Реакция Майлса последовала незамедлительно. «Неужели?» — сказал он.

В одном из открытых чемпионатов Нью-Йорка Борис Гулько стартовал крайне неудачно и после трех туров отставал от своей жены, гроссмейстера Анны Ахшарумовой, на целых полтора очка. «Ты тоже играешь в этом турнире?» — приветствовал его Майлс, когда Гулько появился рядом со столиками, за которыми встречались лидеры.

«Как ты нашел ее игру?» — спросили того же Гулько после партии с Софией Полгар. «Ошибалась на каждом шагу», — сгоряча ответил тот, после того как спас проигранный эндшпиль. «Ошибалась на каждом ходу, заставив своего соперника добиваться ничьей в эндшпилье без двух пешек», — написал Тони в статье о турнире.

Когда я впервые увидел Майлса, ему было восемнадцать лет; с длинными, до плеч, вьющимися волосами, нежной кожей, он напоминал чем-то оскаруайльдовского Бози. Потом вид его изменился: в лице, манере передвигаться появилось нечто кошачье, он стал походить на одного из мушкетеров, сначала на Арамиса, потом на Портоса. В самый последний период своей жизни он невероятно раздался, лицо приняло немалые размеры, но его по-прежнему обрамляли длинные волосы до плеч, а во всей фигуре было что-то от капитана Сильвера из «Острова сокровищ», разве что не хватало попугая на плече и бутылки рома.

Если людей огромного мира профессиональных и любительских шахмат разделить на две категории — тех немногих, о ком говорят, и тех, кто говорит, — то Майлс относился, без сомнения, к первой категории. Его походжения, чудачества, экстравагантность, эпатаж тотчас становились известными в этом искусственном мире шахмат, где все знают друг о друге всё. При всем при том Тони совершенно не интересовало, что о нем скажут, подумают в британской федерации и в ФИДЕ, что не понравится Карпову или как будет реагировать Каспаров; он не боялся показаться смешным, приехав тренером женской команды Австралии на Олимпиаду в Манилу или играя лежа на массажном столе, как это было в Тилбурге в 1985-м, и просто на матрасике, положенном для него в углу зала, как на опен-турнире в Остенде несколькими неделями позже. В том тилбургском турнире Майлс, отправляясь в один из дней на тур и пытаясь найти оптимальное положение для спины, решил просто лечь на заднее сиденье такси. В статье о турнире он напишет: «Я решил не обращать внимания на условности».

Условности? Всю свою жизнь он не очень-то считался с ними.

Тони научился играть в шахматы в пять лет. Потом игра была забыта, и настоящий интерес к ней пробудился только через четыре года, когда в школу, где он учился, кто-то принес комплект шахмат. «Если бы этого тогда не произошло, — вспоминал он впоследствии, — я бы, наверное, никогда не приобщился к ним».

Он проучился один год на математическом факультете университета в Шенфилде, после чего полностью переключился на шахматы. Позже он признался, что скучал на лекциях: «Здесь не было соперника, которого надо обыграть, — не то что в шахматах. Я хотел прямой конфронтации». За заслуги на поприще шахмат университет присвоил ему звание почетного доктора. Голоса при принятии этого решения разделились: некоторые настаивали на

присуждении бывшему студенту Майлсу почетного звания, другие требовали его исключения из списков за нерадивость.

Тони не любил торжественных церемоний и иронически относился к ним; известен его спич на закрытии турнира в Брюсселе в 1986 году: «Я ненавижу такого рода выступления, но здесь буду краток: на этом турнире не было ничего, что я мог бы подвергнуть критике».

В благодарственном слове в Шенфилде юбиляр сказал, что присвоение почетного звания является для него большим сюрпризом, так как он не был хорошим студентом. Но Тони не скрывал, что ему очень приятно, что его заслуги в шахматах отмечены таким образом.

Он не получил академического образования, но, как и в шахматах, не очень в нем и нуждался и не испытывал особого пиетета к своим коллегам — гроссмейстерам, окончившим Оксфорд или Кембридж. Хотя его отношения с будущим королем английских шахмат Найджелом Шортом далеко не всегда были безоблачными, Майлс признавал, что и сам Найджел, и впоследствии Микки Адаме были по духу ему ближе, чем «оксбриджские» ребята.

Кем бы стал Тони Майлс, если бы не ушел в шахматы? Гипотетический вопрос, конечно. Уж, наверное, не служащим в банке, работающим каждый день с девяти до пяти. Кем тогда? Одним из героев рассказов Моэма, действие которых разворачивается где-нибудь в Океании? Шкипером на паруснике, участвующим в чайных гонках и вечно входящим в клинч с администрацией судоходной компании? Вторым Ником Леесоном, по вечерам выпивающим свой джин-тоник в баре где-нибудь в Сингапуре, а днем совершающим транзакции на сотни миллионов фунтов? Думаю, что последнее сравнение ему понравилось бы, что же касается остального, то вижу, как, прикрыв рот тыльной стороной ладони, он говорит в сторону: «A big philosophers»

Весной 1985 года мы играли на межзональном турнире в Тунисе. Перед началом соревнования выяснилось, что условия для игры в столице страны не вполне удовлетворительны, и организаторы предложили перенести турнир в новый, только что построенный отель в сорока километрах от города, на берегу моря. Участники отрядили Тони и меня для осмотра альтернативного варианта.

Когда мы приехали, было уже совсем темно, и, мельком бросив взгляд на новые, пахнущие свежей краской комнаты, бассейн и расположенный тут же зал для игры, мы высказались за перенос турнира на побережье. Решение наше оказалось ошибочным: гостиница, первыми и единственными постояльцами которой оказались шахматисты, была еще не вполне достроена, и шум от работ, раздававшийся с самого утра, продолжался почти весь турнир, несмотря на протесты. Как бы в отместку за свой поспешный выбор Тони и я играли в турнире неважно, ни в один момент реально не претендуя на выход в следующий этап. «В Тунисе было бы лучше», — приветствовали мы несколько раз друг друга при встрече.

«Знаешь. — сказал я через пару месяцев, увидев Майлса где-то в Голландии, — блюда странного вкуса, которыми нас потчевали во время турнира, оказались на поверку приготовленными из мяса осла, умершего натуральной смертью».

Я не успел закончить фразы. «Теперь я понимаю причину моей идиотской игры в турнире», — ухмыльнулся Майлс.

Я не знал тогда еще о его конфликте с Реймондом Кином, с Британской шахматной федерацией,

конflikте, разросшемся, принявшем серьезные формы. Этот конфликт сыграл, безусловно, немалую роль в его серьезнейшем нервном срыве и тяжелой душевной болезни.

Осенью 1987 года на юбилей шахматного клуба в Хилверсуме были приглашены Ян Роджерс, Джон ван дер Виль, Тони Майлс и я. В программу праздника входили консультационные партии и сеансы одновременной игры, которые гроссмейстеры давали членам клуба и друг другу.

С первых часов пребывания Майлса в Голландии были заметны странности в его поведении. Еще более очевидными они стали в день игры. Выходя к публике, наблюдавшей за ходом борьбы в сеансе, Тони брал у кого-нибудь из зрителей чашку чая и начинал медленно помешивать его снятой с доски пешкой. В ответ на недоуменные взгляды он пояснял, что чашка - это Кин, а сэндвич - Андертон [13]. В ходе сеанса Тони неожиданно предложил ничью на всех досках; в случае отказа — согласился только Роджерс — следовала немедленная сдача партии. Тогда это казалось еще одним чудачеством и без того экстравагантного маэстро, а не тяжелой формой ментального заболевания, чем это оказалось в действительности.

Вернувшись в Англию, Тони был задержан полицейскими, когда он пытался перелезть через ограждение на Даунинг-стрит, 10, — то ли для того, чтобы объяснить Маргарет Тэтчер, в чем состоит неверность политики ее кабинета министров, то ли чтобы пожаловаться на Кина, не раз, по утверждению Майлса, покушавшегося на его жизнь. В другой раз он был задержан, когда швырял камни в проезжавший мимо грузовик.

Тони Майлс стал пациентом психиатрической клиники и пополнил и без того значительный список душевнобольных шахматистов. Врачи советовали ему навсегда оставить игру. Надо ли говорить, что совет этот был столь же правильный, сколь и бесполезный. Да и правильный ли? Известно ведь, что для организма людей, имеющих психические проблемы, польза от того факта, что они бросают курить, перечеркивается усугубляющимся общим состоянием: апатией, эмоциональной замкнутостью, уходом в себя и новыми нервными срывами.

И Майлс продолжал играть, играть и играть. Он всегда играл много, очень много. Вижу, как будто это было вчера: поздним вечером, после закрытия международного турнира в Тилбурге, он садится свой «мерседес» — его ждет Германия и партия в Бундеслиге, а уже через два дня начнется очередной опен-турнир в Мексике...

Следующий срыв произошел у него через несколько лет в Китае, где он играл в турнире. Другая, необычная страна, другие люди, непонятный язык. Кровати в номерах были низкие, и Тони, и до того уже удивлявший хозяев своим поведением, попросил, чтобы ее подняли. Когда два служащих отеля выполнили его просьбу, выяснилось, что хозяин номера ничего не искал под кроватью: улегшись на пол, он попросил поставить ее на место... В конце этого злополучного турнира, когда Кэтти Роджерс позвонила ему, чтобы узнать, примет ли он участие в опене, начинающемся через несколько дней в Австралии, Майлс дал утвердительный ответ, а на вопрос, когда прилетает, ответил: «Вчера». Он никогда не появился на этом турнире.

К этому времени Тони покинул Англию. Сначала он попытался жить в Америке, принял участие в чемпионате страны — и неудачно. Потом жил в Австралии, регулярно играя в турнирах и намереваясь даже выступить под австралийским флагом на Олимпиаде. В этот период жизни он был женат вторым браком на очень молодой женщине, австралийке китайского происхождения, приехавшей с семьей из Малайзии. Семейная жизнь длилась недолго и закончилась очень тяжелым разводом, усугубившим его ментальные проблемы и

создавшим материальные.

Считается, что его попытки эмиграции связаны с психическим состоянием, проигрышем матча Каспарову в 86-м году и, не в последнюю очередь, фактом потери лидирующего положения в английских шахматах в связи с появлением Шорта. Вероятно, всё это так, хотя охота к перемене мест была заложена в его беспокойных генах, и профессия шахматиста, конечно, только способствовала этому. В конце 70-х годов, когда на небосводе его карьеры не было видно и облачка, он как-то сказал мне, что не прочь бы переехать во Францию. «Ты говоришь по-французски?» — спросил я. «Ен реу. J'ai etudie francais a Гесоле», — отвечал Тони с таким акцентом, что у любого француза это немедленно вызвало бы восклицание: «Quoi?»

Проблема его отношений с Найджелом Шортом выходит за пределы чисто шахматных; она много шире и сводится к вопросу: что должен чувствовать спортсмен, когда вынужден уступить лидирующую роль? Роль, с которой он свыкся, которая, кажется, забронирована за ним навсегда. Когда он становится номером вторым, третьим, четвертым, когда не получает приглашений в соревнования, к которым привык, когда вообще не попадает в команду? Этот феномен неизвестен в социальном плане, где завоеванные позиции теряются только вследствие чего-то экстраординарного и заслуженная пенсия и почет венчают, как правило, конец жизни.

Шорту было всего десять лет, когда он впервые встретился с Майлсом в одном из опентурниров. И Майлс был первым гроссмейстером, у которого четырнадцатилетний Найджел выиграл турнирную партию.

«Нельзя сказать, чтобы Тони был моим другом, - рассказывает Шорт. — Некоторое время наши отношения были плохие, даже очень. Хотя мы всегда чувствовали какую-то связь между собой. Когда я был совсем маленький, Тони ревниво следил за моими партиями. «Этот ребенок хочет перенять мое дело», — как-то сказал он. Ему было непросто играть со мной, и я выигрывал у него довольно часто. В 1986 году отношения достигли низшей точки, когда Майлс, будучи в отборочной комиссии, поставил себя на первую доску в сборную страны на Олимпиаду в Дубае, хотя к тому времени мой рейтинг превосходил его очков на пятьдесят. Помню, Каспаров был совершенно изумлен тем, что я не играю на первой доске. Тогда я был очень задет этим фактом, признаться, и сейчас чувствую раздражение, говоря об этом. Наша команда, кстати, играла там превосходно, но все очки мы набрали на досках со второй по пятую, а наша первая доска - провалилась...

Майлсу было очень трудно смириться с тем, что он больше не номер один, в стране, и его отъезд сначала в Америку, потом в Австралию помимо психических проблем связан и с этим фактом.

По-моему, всё его поведение за доской было достаточно осознанно: чтобы вывести соперника из душевного равновесия, он не брезговал порой и сомнительными средствами.

Впоследствии наши отношения наладились, и, например, в Элисте мы проводили немало времени вместе, нередко смеясь до слез, и я всегда получаю удовольствие от чтения его статей: у Тони было сильно развитое чувство юмора, статьи эти никогда не были сухими, и писал он их в своем особенном стиле. Я общался с ним достаточно часто в последнее время. Так, мы довольно долго обсуждали игру по интернету с Бобби Фишером. Для нас было ясно, что мы играли с одним и тем же соперником, это был очень вежливый, эрудированный и развитый во всех смыслах человек, кем бы он ни был на самом деле. Еще за два дня до чемпионата Европы в

Леоне он жаловался, что его не взяли в команду, предпочтя молодого Люка Мак-Шейна, хотя его, Майлса, рейтинг и был выше. Он очень хотел играть здесь...»

За последние четверть века в Англии появилось немало сильных гроссмейстеров, но только трое из них, на мой взгляд, были лидерами: Тони Майлс, Найджел Шорт и — в настоящее время — Майкл Адаме. Мне кажется, кстати, что причина улучшения отношений между Майлсом и Шортом объяснялась просто: взошла звезда Адамса. Так после появления новой главной жены в гареме султана гуляют, мирно беседуя друг с другом, вторая и третья жены, бывшие когда-то на главных ролях.

В конце жизни физическое и психическое состояние Майлса определяли его результаты за шахматной доской. В 1995 году на зональном турнире в Линаресе он лидировал после шестого тура, демонстрируя солидную, уверенную игру. В седьмом туре он проиграл Ильескасу, фактически не выйдя из дебюта. Вечером я встретил Тони в коридоре гостиницы. «Всё кончено, у меня нет шансов», — сказал он неожиданно. «Да что ты, — возразил я, удивленный столь необычными для него словами, — твои позиции всё еще хороши, плюс, который ты имеешь, вполне достаточен для выхода...» — «Ты не понимаешь, — прервал он, — я совсем не могу спать! Я уже звонил своему врачу в Бирмингем, ты не знаешь, что такое не спать...»

Начиная с этого момента на турнире появился другой Майлс. Дело было даже не в том, что он проиграл еще раз, не выиграв ни разу, — было видно, что он уже не может не только концентрироваться, но и просто думать, у него появился «дергунчик», знакомый всем шахматистам. Он не мог справиться с волнением и держать партию под контролем. В решающей встрече с ван дер Стерреном, где его белыми устраивала ничья, Майлс играл молниеносно, и уже к 15-му ходу его позиция напоминала руины. Когда через несколько ходов он сдался, было впечатление, что он заранее смирился с неизбежным и другого исхода и не ожидал.

В эти последние годы Тони, некогда получавший экстра-гонорары, значительно превышавшие стартовые коллег-гроссмейстеров и уступавшие разве что карповским, соглашался на игру в опенках на условиях, узнав о которых молодые шахматисты только удивленно качали головами. Полагаю, они просто не понимали, что означало бы для Майлса не играть вообще, выпасть из обоймы, изменить образ жизни, к которому он привык. Не думаю, что он играл только из-за заработка, и я спрашиваю себя: как был он поступил, если бы ему предложил и выступить в таком турнире, предварительно самому заплатив стартовый взнос? Несколько лет назад Майлс предложил шефу команды «Порц» игру за клуб на следующих условиях: если он не набирает за сезон 90 процентов очков, то не требует за свой труд никакого гонорара. Каждый, кто знаком с уровнем игры в Бундеслиге, понимает, что означали такие условия, и не приходится удивляться тому, что в конце сезона Майлс не получил ни пфеннига.

В конце 70-х годов, после утомительного перелета из Европы в Лос-Анджелес и пятичасового автобусного пробега до маленького калифорнийского городка Лон-Пайна, я встретил Тони на главной и фактически единственной улице столицы сильнейшего в те годы опен-турнира и стал жаловаться на усталость и самолетный шум в ушах. Майлс только пожал плечами — это состояние было для него привычным: хотя у Тони хватало мест проживания — Бирмингем, Андорра, Порц, его настоящим домом всегда были гостиничная кровать, кресло самолета, постель в поезде или кабине корабля, сиденье автомашины.

По названиям городов и стран, где он играл, можно изучать географию, а линия, которая соединила бы все места его пребывания, причудливо изогнувшись, не единожды опоясала бы

земной шар. Ему было все равно где играть: на Кубе, в Колумбии, Новой Зеландии. Китае, Голландии, Египте или Советском Союзе. Во время Олимпиады в Элисте (1998) он прикидывал, как будет добираться на турнир в Ираке: сначала самолетом до Дамаска, потом на верблюде или яке — до Багдада. Большая часть карьеры Майлса пришлась на доинтернетовское, докомпьютерное время, и будущему его биографу предстоит немалый труд, разыскивая партии Тони в архивах египетской, колумбийской и китайской шахматных федераций.

Его талант был очень натуральный, очень природный и сочетался с огромной жизненной силой, которая была в нем и ощущалась едва ли не физически. Он мог как следует выпить, много ел, приученный долгими поездками быть не особенно привередливым.

Стюарт Конкуэст вспоминает, как однажды он делил с Тони каюту на пароходе, отправляющемся из Англии на Континент: «Храп его был настолько оглушителен что я не мог сомкнуть глаз. В конце концов я оделся и отправился в бар, где, кстати, встретил мою подругу, с которой мы вместе вот уже четыре года».

Майлс был дважды женат, у него были подруги, хорошие знакомые, редкие друзья или те, кто считал себя таковыми. Несмотря на это, он был, конечно, волк-одиночка, со своим внутренним миром, своими комплексами и проблемами. Как каждый англичанин, он был несколько эксцентричен, но хотел казаться еще более эксцентричным, чем был на самом деле.

Любопытно, что Майлс недолюбливал Лондон и никогда не жил в нем - в отличие от большинства английских шахматистов, а может быть, как раз по этой причине. В конце жизни Тони вернулся в свой родной Бирмингем; странствуя по миру, он наслушался ломаного английского, сам же всегда оставался англичанином, и не только из-за любви к крикету, которую сохранил с детства.

1982 год, Индонезия. Выходной день на турнире протяженностью в 25 туров. Экскурсия в одно из семи чудес света — Борободур. Солнце печет неумолимо. Белокурый Тони — в панамке, но уже прилично обгоревший. Держится, разумеется, особняком от всего шахматного каравана. Сотни Будд, сидящих в различных позах. Около одного из них всегда толпятся туристы. Это - полый монумент, в который полагается просовывать руку, загадывая желание. Замечаю, что Майлс долго стоит у статуи, к неудовольствию ждущей своей очереди группы американцев, возглавляемой гидом с нераскрытым зонтиком от солнца, высоко поднятым над головой. Наконец Тони отходит от сидящей в позе лотоса фигуры и замечает меня. Прикрыв рот ладонью, как будто хочет сообщить что-то доверительное, он произносит шепотом: «Я не мог придумать ни одного желания...»

Во время турниров Майлс нередко играл в бридж. Это была игра шахматной элиты в начале и первой половине прошлого века: обычно после ужина в гостинице почти все недавние соперники собирались у карточного стола. Сейчас бридж совсем не в моде у молодых, а в свое время за этим занятием можно было увидеть Доннера и Ларсена, Горта и Корчного, Карпова и Штейна, Ульмана и Любоевича. В последний день своей жизни, 11 ноября 2001 года, Тони Майлс не пришел вечером в бирмингемский клуб, где он обычно играл в бридж...

В 1980 году на командном чемпионате Европы в Скаре Майлс выиграл у чемпиона мира Карпова, ответив на ход королевской пешки 1...а6. Я спросил Джонатана Спилмена, получил ли Майлс разрешение на столь экстравагантный дебютный эксперимент у капитана команды. «Разрешение? — переспросил Джонатан.

- Тони Майлс никогда ни у кого не спрашивал разрешения ни на что!»

Он был одним из лучших игроков мира в то недавнее и уже такое далекое время, когда не было ни компьютеров, проверяющих каждый ход и каждый вариант, ни огромных баз данных с миллионами партий. Время это кажется сейчас наивным, примитивным и даже диким, равно как и лучшие игроки того времени кажутся... «дикими-предикими и дико блуждающими по Мокрым и Диким Лесам. Но самым диким был Дикий Кот — он бродил, где вздумается, и гулял сам по себе».

Ноябрь 2001